

УДК 349.4:574

АБРАМОВ Владислав Геннадьевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Северного филиала Российской правовой академии Министерства юстиции РФ (г. Петрозаводск). Автор 50 научных публикаций, в т. ч. двух монографий

ОСОБЕННОСТИ ПРОТИВОПРАВНОСТИ НАРУШЕНИЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ОБЛАСТИ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ (теоретический и уголовно-правовой аспекты)

В статье анализируются сущность и основные особенности противоправности экологического правонарушения. В рамках общей проблемы дифференциации нарушений законодательства в области охраны окружающей среды в ней раскрываются наиболее существенные критерии разграничения их уголовной и административной противоправности.

Ключевые слова: экологическое правонарушение, экологическое преступление, противоправность, юридическая ответственность, охрана окружающей среды.

Противоправность представляет собой *формальный (юридический)* признак нарушения законодательства в области охраны окружающей среды, поскольку предполагает запрещение правовыми нормами под угрозой применения мер юридической ответственности поведения, способного оказать на нее негативное воздействие. В этой связи необходимо обратить внимание на следующее немаловажное обстоятельство. Выделение означенных деяний в самостоятельную разновидность правонарушений отнюдь не должно предполагать обязательного применения какой-то особой – «природоохранительной» – ответственности [1, с. 120; 2, с. 30–32; 9, с. 155]. Доминирующее значение в данной ситуации приобретают

предусмотренные санкциями эколого-правовых охранительных норм лишения или ограничения имущественного либо личностного характера, которые по своей природе являются уголовно-правовыми, административно-правовыми, гражданско-правовыми и иными способами государственного принуждения. Каждый из них как раз и предстает в качестве самостоятельного вида юридической ответственности, поскольку именно специфический характер, объем неблагоприятных последствий свидетельствует об особой ее разновидности.

Возможность применения к виновному различных самостоятельных видов юридической ответственности, определяемых санкцией правовой нормы, обуславливает лишь одну из

особенностей противоправности экологического правонарушения как комплексного, собирательного понятия, объединяющего наиболее типичные и существенные характеристики разнообразных вариантов нарушений законодательства в области охраны окружающей среды. Специфическая черта анализируемого признака заключается также в бланкетности диспозиций большинства эколого-правовых норм, формулирующих составы соответствующих правонарушений. Предполагая отсылку к законодательству иной «отраслевой принадлежности» в целях установления содержания признаков состава, она логически предопределяет зависимость последних от иной (во многих случаях подзаконной) правовой нормы, конкретизирующей данные признаки. Это обстоятельство, в свою очередь, свидетельствует об особенностях объективного выражения противоправности экологически негативного поведения, критерии которой могут устанавливаться актами, имеющими различную юридическую силу, – от локальных правовых документов до федерального законодательства.

Противоправность рассматриваемой разновидности деяний может носить «предметно-различный характер»: уголовно-правовой, гражданско-правовой, административно-правовой; она может быть и «смешанной», когда состав правонарушения и меры ответственности за его совершение являют собой нормы различных отраслей права [11, с. 14]¹. (Как очевидно, комплексность правовой природы экологического правонарушения в значительной степени определяется преобладанием в диспозициях правовых норм, формулирующих составы нарушений законодательства в области охраны окружающей среды, бланкетных конструкций).

Противоправность экологического правонарушения характеризуется возможностью сочетания отдельных ее видов. Так, в случае

закрепления правовой нормой факта причинения вреда охраняемым ей материальным или нематериальным благам в качестве обязательного признака состава нарушения законодательства в области охраны окружающей среды происходит своего рода «диффузия» гражданской и уголовной либо административной противоправности. В этом случае гражданско-правовой принцип генерального деликта, предполагающий противоправность всякого виновного причинения вреда имущественным и (или) личным неимущественным интересам субъектов как бы дополняется указанием в эколого-правовой норме на определенный вариант поведенческой деятельности, запрещаемый под угрозой применения уголовного либо административного наказания.

Однако, согласно положениям общетеоретического учения о правонарушении, подобное поведение нельзя квалифицировать в качестве некоего деяния с «совмещенной противоправностью». В целом оно предстает как преступление или административное правонарушение в области охраны окружающей среды. Таким образом, в анализируемой ситуации происходит своеобразное «поглощение» одного вида противоправности (гражданской) другим (уголовной либо административной). В свою очередь, альтернативность уголовной и административной противоправности обуславливает актуальность их дифференциации именно в сфере взаимодействия общества и природы. (Соответствующий аспект проблемы противоправности экологического правонарушения способен выступить в качестве самостоятельного предмета научного исследования. Некоторые наиболее показательные его составляющие найдут отражение в ходе дальнейшего изложения материала.)

Специфика анализируемого признака нарушений законодательства в области охраны

¹Справедливости ради следует обратить внимание на то, что вторая из отмеченных особенностей в настоящее время утратила былую актуальность по причине, которая будет раскрыта в дальнейшем, и распространяется, главным образом, на охранительные нормы-принципы, закрепленные в федеральном законе «Об охране окружающей среды» и актах природоресурсового законодательства.

окружающей среды обусловлена также особенностями юридической силы источников, в которых могут быть сосредоточены разнообразные варианты поведенческой деятельности, запрещаемые эколого-правовыми нормами под угрозой применения мер юридической ответственности. Единственным нормативным актом, фиксирующим все составы экологических преступлений, является Уголовный кодекс РФ. Это принципиальное правило, выступающее в качестве одного из базовых положений, составляющих сердцевину современной доктрины экологического правонарушения, логически вытекает из основополагающего постулата, закрепленного в ч. 1 ст. 1 УК РФ: «Уголовное законодательство Российской Федерации состоит из настоящего Кодекса» [8].

Применительно к административным правонарушениям в области охраны окружающей среды и природопользования некоторое время назад ситуация выглядела совершенно иначе. Их составы можно было обнаружить в нормативных документах самого различного характера и уровня. Они содержались как в кодифицированных и некодифицированных законодательных актах, регулировавших вопросы охраны окружающей природной среды, охраны и рационального использования отдельных ее компонентов, так и в подзаконных нормативных актах. Положение вещей кардинальным образом изменилось только лишь с принятием Кодекса РФ об административных правонарушениях. Ч. 1 ст. 1.1 данного Кодекса, основываясь на фундаментальных началах административного права, закрепленных российской Конституцией, формулирует норму, которая по своему «духу», заложенной в ней принципиальной идее в целом соответствует вышеуказанному постулату уголовного законодательства и в ряде конструктивных элементов буквально воспроизводит его: «Законодательство об административных правонарушениях состоит из настоящего Кодекса и принимаемых в соответствии с ним законов субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях» [5].

Не вызывает сомнений логичность и обоснованность вывода о том, что противоправность предстает в качестве формального признака экологического правонарушения, поскольку представляет собой юридическую форму, своеобразную нормативную «оболочку», в которую облекается материальное содержание нарушений законодательства в области охраны окружающей среды, раскрывающее социальную сущность последних, – их вредоносность [3, с. 95; 6, с. 454–456]. Как справедливо отмечается в литературе, разновидность противоправности в конечном итоге призвана выступать «законодательной формой выражения» степени вредоносности означенных правонарушений [4, с. 60]. В свою очередь, критерии, позволяющие установить эту степень, должны находить адекватное отражение в соответствующих правовых нормах.

Анализ действующего российского природоохранительного законодательства свидетельствует о том, что данные критерии фиксируются, главным образом, в составах экологических преступлений. Наиболее ярко они проявляются в признаках, характеризующих общественно опасные последствия преступных деяний, причем в первую очередь – в так называемых оценочных терминах. Например, в ст. 246 и 257, ч. 1 ст. 248, ч. 1 и 2 ст. 249 УК говорится о «тяжких последствиях»; в ч. 1 ст. 247 и 250, а также ч. 2 ст. 252 УК – о «существенном вреде». Ст. 255 и 262 УК предусматривают причинение «значительного ущерба», а ч. 1 ст. 256 и 258, ч. 2 и 4 ст. 261 УК – «крупного ущерба». В ст. 260 УК речь идет о деяниях, совершенных в «значительном размере» (ч. 1), «крупном размере» (п. «г» ч. 2) и «особо крупном размере» (ч. 3). Однако непосредственно в уголовном законодательстве конкретизируется содержание далеко не всех указанных терминов.

В этой связи следует обратить внимание на то, что необходимость разграничения «существенного» и «обычного» вреда предопределяется наличием отмеченной ранее более общей проблемы дифференциации нарушений законодательства в области охраны окружающей

среды по степени их вредоносности на преступления и проступки [2, с. 45]. (По сути, в сфере взаимодействия общества и природы она в конечном счете сводится к отграничению уголовной от административной противоправности.) Ее объективное существование обусловлено известным сходством конструкций составов отдельных вариантов поведенческой деятельности, запрещаемых эколого-правовыми нормами под угрозой применения уголовных либо административных наказаний.

По мнению Ю.С. Шемшученко, подобное обстоятельство предопределяет целесообразность закрепления в соответствующих нормах «руководящих принципов-критериев», на основе которых вредоносные последствия, наступившие в результате совершения экологически негативного противоправного деяния, должны квалифицироваться как тяжкие, значительные или какие-то иные. В такой роли могли бы выступать самые различные признаки: размер поврежденных или уничтоженных компонентов природной среды; стоимостное выражение причиненных убытков; степень приведения в негодность для использования природных ресурсов, а также ухудшения показателей, определяющих качественное состояние окружающей среды; смерть людей либо массовые случаи их заболевания вследствие загрязнения природы и другие факторы [10, с. 47].

Вместе с тем, вывод о надлежном разрешении данной проблемы в действующем российском уголовном законодательстве представляется преждевременным. В составах экологических преступлений наиболее ярко выражен, по существу, лишь последний из означенных критериев. Плюс к этому, в примечании к ст. 260 УК, устанавливающей уголовную ответственность за незаконную рубку лесных насаждений, раскрывается содержание понятий значительного, крупного и особо крупного размеров вреда: о первом свидетельствует ущерб, «исчисленный по утвержденным Правительством Российской Федерации таксам, превышающий пять тысяч рублей»; крупным размером признается ущерб, превышающий 50 тыс. р.;

особо крупным – 150 тыс. р. Согласно же примечанию к ст. 261 УК, которое еще в конце 2010 года вообще отсутствовало в ее конструкции, крупным «признается ущерб, если стоимость уничтоженных или поврежденных лесных насаждений и иных насаждений, исчисленная по утвержденным Правительством Российской Федерации таксам, превышает пятьдесят тысяч рублей».

Толкование смысла и содержания ряда иных понятий дается в постановлении пленума Верховного Суда РФ от 5 ноября 1998 года № 14 «О практике применения судами законодательства об ответственности за экологические правонарушения». Так, согласно положениям п. 3 данного постановления под тяжкими последствиями наряду с зафиксированными в соответствующих уголовно-правовых нормах надлежит понимать «существенное ухудшение качества окружающей среды или состояния ее объектов, устранение которого требует длительного времени и больших финансовых и материальных затрат; уничтожение отдельных объектов; деградацию земель и иные негативные изменения окружающей среды, препятствующие ее сохранению и правомерному использованию». В свою очередь, признаки существенного экологического вреда сформулированы в п. 5 постановления. На него указывают, в частности, следующие факторы: массовая гибель животных и птиц на определенной территории (когда уровень смертности превышает среднестатистический в три и более раза); экологическая ценность поврежденной территории или утраченного компонента природной среды; высокий уровень деградации земель [7].

Вполне очевидно, что фиксация означенных терминов в эколого-правовых охранительных нормах одновременно с характеристикой последствий запрещаемого ими деяния свидетельствует еще и о повышенной степени его вредоносности – общественной опасности [2, с. 49–52]. Однако наличие последней определяется не только негативным результатом уголовно-противоправного акта поведенческой деятельности, но и другими признаками состава

(а зачастую – их совокупностью): спецификой самого преступного деяния, его предмета, места, средств и способов его совершения, субъекта преступления, формы вины и рядом иных особенностей.

Практически все они нашли отражение в конструкции ст. 258 УК РФ, которая в первую очередь содержит указание на незаконный характер охоты. В качестве подобных признаков в ней также, в частности, выделяются: птицы и звери, охота на которых полностью запрещена; особо охраняемая природная территория, зона экологического бедствия или чрезвычайной экологической ситуации; применение механического транспортного средства либо воздушного судна, взрывчатых веществ, газов или иных способов массового уничтожения птиц и зверей; совершение деяния лицом с использованием своего служебного положения. Наряду с причинением незаконной охотой крупного ущерба и совершением ее группой лиц по предварительному сговору либо организованной группой все они выступают в роли критериев

дифференциации соответствующих вариантов преступного поведения и нарушения правил охоты – экологического проступка, предусмотренного ч. 1 ст. 8.37 КоАП РФ.

Вышеизложенное обуславливает правомерность следующего вывода. Применительно к анализируемой ситуации эколого-правовые нормы, формулирующие составы административных и уголовных правонарушений, находятся между собой в соотношении общей и специальной норм. Первые содержат более абстрактные формулировки; вторые как бы конкретизируют их. (Кстати, наибольшая абстрактность характерна для упоминавшегося ранее гражданско-правового принципа генерального деликта.) Следовательно, *административно-правовая норма будет применяться только в той части, которая не охватывается конструкцией аналогичного по содержанию состава экологического преступления*, выходя за рамки, границы признаков, устанавливаемых уголовно-правовой нормой и тем самым определяющих пределы ее действия.

Список литературы

1. Абрамов В.Г. Понятие юридической ответственности в области охраны окружающей среды (теоретические аспекты) // Вестн. Помор. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2010. № 2. С. 117–121.
2. Абрамов В.Г. Экологическое правонарушение: теоретические и практические аспекты содержания и определения понятия. Петрозаводск: ПИН, 2012. 80 с.
3. Денисов Ю.А. Общая теория правонарушения и ответственности (социологический и юридический аспекты). Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1983. 144 с.
4. Жевлаков Э.Н. Разграничение уголовной и административной ответственности в сфере экологии // Проблемы ответственности и наказания в советском праве: сб. науч. тр. / отв. ред. А.С. Сиротин. М.: Изд-во ВЮЗИ, 1990. С. 54–66.
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1. Ст. 1.
6. Общая теория государства и права: академический курс в 3 т. Т. 3 / отв. ред. М.Н. Марченко. М.: Зерцало, 2001. 528 с.
7. О практике применения судами законодательства об ответственности за экологические правонарушения: постановление пленума Верховного Суда РФ от 5 нояб. 1998 г. № 14 // Бюл. Верховного Суда Рос. Федерации. 1999. № 1.
8. Уголовный кодекс Российской Федерации: от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
9. Шемшученко Ю.С. Правовые проблемы экологии. Киев: Наукова думка, 1989. 232 с.
10. Шемшученко Ю.С., Мунтян В.Л., Розовский Б.Г. Юридическая ответственность в области охраны окружающей среды. Киев: Наукова думка, 1978. 280 с.
11. Эффективность юридической ответственности в охране окружающей среды / отв. ред. О.С. Колбасов, Н.И. Краснов. М.: Наука, 1985. 225 с.

References

1. Abramov V.G. Ponyatie yuridicheskoy otvetstvennosti v oblasti okhrany okruzhayushchey sredy (teoreticheskie aspekty) [Legal Responsibility Concept in the Sphere of Environmental Protection (Theoretical Aspects)]. *Vestn. Pomor. un-ta. Ser.: Gumanit. i sots. nauki*, 2010, no. 2, pp. 117–121.
2. Abramov V.G. *Ekologicheskoe pravonarushenie: teoreticheskie i prakticheskie aspekty sodержaniya i opredeleniya ponyatiya* [Environmental Offense: Theoretical and Practical Aspects of the Content and Definition]. Petrozavodsk, PIN Publ., 2012. 80 p.
3. Denisov Yu.A. *Obshchaya teoriya pravonarusheniya i otvetstvennosti (sotsiologicheskii i yuridicheskii aspekty)* [The General Theory of Offense and Responsibility (Sociological and Legal Aspects)]. Leningrad, Leningrad University Publ., 1983. 144 p.
4. Zhevlakov E.N. Razgranichenie ugovnoy i administrativnoy otvetstvennosti v sfere ekologii [Differentiation of Criminal and Administrative Responsibility in the Environmental Sphere]. *Problemy otvetstvennosti i nakazaniya v sovetskom prave: sb. nauch. tr.* [Issues of Responsibility and Punishment in the Soviet Law: Collected Papers]. Moscow, 1990, pp. 54–66.
5. Kodeks Rossiyskoy Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh: federal'nyy zakon ot 30 dekabrya 2001 g. № 195-FZ [Russian Federation Code of Administrative Offences: Federal Law of December 30, 2001, no. 195-FZ]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*, 2002, no. 1, art. 1.
6. *Obshchaya teoriya gosudarstva i prava* [General Theory of State and Law]. Ed. by Marchenko M.N. Moscow, Zertsalo Publ., vol. 3, 2001. 528 p.
7. O praktike primeneniya sudami zakonodatel'stva ob otvetstvennosti za ekologicheskie pravonarusheniya: postanovlenie plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 5 noyab. 1998 g. № 14 [On the Court Practice of Environmental Offense Responsibility: Resolution of the RF Supreme Court of November 5, 1998 no. 14]. *Byul. Verkhovnogo Suda Ros. Federatsii*, 1999, no. 1.
8. Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii: ot 13 iyunya 1996 g. № 63-FZ [Criminal Code of the Russian Federation: of June 13, 1996, no. 63-FZ]. *Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federatsii*, 1996, no. 25, art. 2954.
9. Shemshuchenko Yu.S. *Pravovye problemy ekologii* [Legal Problems of Ecology]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1989. 232 p.
10. Shemshuchenko Yu.S., Muntyan V.L., Rozovskiy B.G. *Yuridicheskaya otvetstvennost' v oblasti okhrany okruzhayushchey sredy* [Legal Responsibility in the Sphere of Environmental Protection]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1978. 280 p.
11. *Effektivnost' yuridicheskoy otvetstvennosti v okhrane okruzhayushchey sredy* [Efficiency of Legal Responsibility for Environmental Protection]. Ed. by Kolbasov O.S., Krasnov N.I. Moscow, Nauka Publ., 1985. 225 p.

Abramov Vladislav Gennadyevich

The Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation,
Northern Branch (Petrozavodsk, Russia)

FEATURES OF ILLEGALITY OF ENVIRONMENTAL LEGISLATION VIOLATIONS (Theoretical and Criminal Law Aspects)

The article deals with illegality of ecological offence, its essence and basic features. It shows the most important criteria for delimitation of criminal and administrative illegality of environmental legislation violations.

Keywords: *environmental offence, environmental crime, illegality, legal responsibility, environmental protection.*

Контактная информация:

адрес: 185000, г. Петрозаводск, ул. Онежской флотилии, д. 51;
e-mail: vlaabr@rambler.ru

Рецензент – Худойкина Т.В., доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой основ российского права Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарёва